

«Сейчас у нас банковское рабовладение...»: пенсионеры Пермского края о банках, кредитах и займах

Н. А. Ширинкина

преподаватель кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0001-7236-3431. E-mail: Zgll.ru@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка проанализировать процесс становления потребительских страхов в сфере банковских услуг у пенсионеров Перми и Пермского края (г. Кунгур). Информационной базой исследования служит серия полуструктурированных интервью с пенсионерами (первый этап исследования) и трудоспособными жителями Пермского края (контрольная группа – второй этап исследования). Анализ полевого материала, полученного в ходе исследования, показал, что пенсионеры, испытывая необходимость решать финансовые проблемы, возникающие у них в ходе жизнедеятельности, сталкиваются с ранее неизвестными им банками, финансовыми компаниями, формами и условиями кредитования. Опыт использования «социалистических кредитов» присутствует в коллективной памяти пенсионеров, но лишь как мифологизированный отголосок «прекрасной эпохи». При стабильной занятости, регулярной выплате заработной платы и отсутствии серьезных санкций за нарушение условий займа в советской практике кредитования можно видеть проявление заботы партии и правительства о советских трудящихся. Теперь займы регламентируют коммерческие банки, их правила прописаны юридическим языком и содержат санкции за нарушение договора. Политика предоставления банковских кредитов, микрофинансовых займов и иные финансовые услуги воспринимается пенсионерами не как возможности, а скорее наоборот – как препятствия для нормальной жизни. Альтернативой кредитов у пенсионеров является привычная и укоренившаяся практика «перезанять» у друзей или родственников и накопить. Природа страхов многослойна. Пенсионеры боятся не только кредитов, но и «чужого» языка заключения договора, который демонстрируется банковскими работниками (воспроизведение формул, заимствованных из *sale-book* иностранного банка). В российской глубинке, в силу социокультурной инерции, банки и другие финансовые организации воспринимаются как государственные институты. В высказываниях информантов прослеживается противоречие – с одной стороны, патерналистские настроения, диктующие высокий уровень ожиданий от государства, с другой стороны, обида на реальные практики государства и недоверие к финансовым институтам.

Ключевые слова: люди третьего возраста, страхи, культурная травма, социалистический кредит, банковские продукты, повседневные практики.

Финансовое поведение наших современников, в том числе и людей третьего возраста, за плечами которых целая эпоха, несет на себе отпечаток экономического развития нашей страны времен XX века. Они освоили основные правила «экономики дефицита» [5, с. 4]. В ходе становления современной рыночной экономики наши старшие современники переживают слом привычных культурных поведенческих стереотипов. В опривыченных объяснительных моделях происходят хозяйственные перемены и смена привычек финансового поведения. В этом процессе предполагается увидеть механизмы становления страхов в определенных культурных контекстах.

Респонденты, которые приняли участие в проведенном исследовании, входят в возрастную когорту 60–80 лет. Они выросли и социализировались в условиях советского хозяйствования. Социалистическая экономика была монетарной. Следовательно, «...денежные доходы поступают в домашнее хозяйство с перерывами; ритмичность этих поступлений может отличаться от сроков предстоящих платежей, в связи с чем необходимо иметь денежный запас. Подобный мотив действует в любой монетарной экономике. В качестве особенности дефицитной экономики к этому можно присовокупить затягивание процесса в результате ожидания и поиска, что, вероятно, стимулирует и увеличение денежных запасов» [5, с. 476–477].

Их социально активный возраст приходился на перестроечный период, где они столкнулись с распадом Советского Союза, сложной социально-экономической и политической ситуацией, связанной с переходом к рыночной экономике, которая положила начало истории современной кредитной системы в РФ. Однако фактически практики розничного кредито-

ния существовали в советской экономике и повседневной жизни советских людей. В СССР одним из самых распространенных видов кредитования текущих нужд населения являлась продажа товаров длительного пользования в рассрочку [11, с. 168]. Но в существующем виде кредиты вошли в нашу жизнь и закрепились в ней меньше двух десятилетий назад [6, с. 69].

«Социалистический кредит» создавался в интересах государственных предприятий. В преамбуле Постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 8 августа 1960 года N 851 «О мерах по дальнейшему улучшению торговли» прямо говорится: «...Объем розничного товарооборота за семилетку, исходя из намеченного роста товарных ресурсов и денежного дохода населения, увеличится на 62 процента...» [9]. Регулярный заработок, гарантированная занятость, низкие процентные ставки, простота оформления и отсутствие серьезных санкций за невыполнение кредитных обязательств – все это составляло практически идеальные условия для населения в период так называемого зрелого социализма [11, с. 179]. Теперь вопросами кредитования занимаются банковские структуры, которые выступают в роли посредника между покупателем и нужным товаром/услугой. Они выдвигают другие, не столь лояльные условия пользования заемными средствами: достаточно высокие проценты, залоговые поручители, кредитная история, коллекторские службы взыскания задолженностей и прочее.

Люди старших возрастных когорт опираются на прежний укорененный опыт и привычки. Патерналистские настроения и ностальгические переживания по ушедшей эпохе рожают недоверие и страх ко всему новому, ранее невиданному. В своем финансовом поведении они продолжают ориентироваться на позднюю советскую историю и перестроечный период. Пенсионеры боятся реальности и продолжают конструировать идеальное прошлое, с целью воспроизводства «понятных» и недвусмысленных практик в повседневной жизни.

Важно отметить, что возрастная структура населения России является регрессивной – на жителей старше 50 лет приходится 34 % общей численности населения [7, с. 139]. Таким образом, пенсионеры составляют значительную часть населения нашей страны, которая после выхода на пенсию сталкивается с определенным «выпадением» из общества, разрывом прежних устойчивых связей и кардинальным пересмотром жизненных ценностей и смыслов. Завершается длительный этап социально-активной жизни и начинается новый, который значительно отличается от предыдущего. Главными принципами нового этапа являются финансовая гибкость, цифровизация, постоянная смена привычного уклада жизни, поэтому от включенности в финансовые практики и умения обращаться с деньгами (знать законы их функционирования, преумножения, инвестирования) зависит их социальная активность, продуктивность и возможность жить в меняющемся мире. Процесс «выпадения» пенсионеров из активной социальной жизни становится социальной проблемой, которая влечет за собой появление дистанции между представителями третьего возраста и другими группами населения. Стереотипы, которые существуют вокруг образа пожилого человека, зачастую усугубляют его дистанцированность от ведения активного образа жизни. В данном контексте речь идет о том, что представители пожилого поколения «застряли» между двумя мирами – высокодуховным советским и высокотехнологичным информационным [8, с. 59]. Говоря о пассивной включенности пенсионеров в финансовые практики, можно предположить, что, с одной стороны, это связано с проблемой адаптации к быстроменяющимся социальным условиям, что актуализирует ностальгические переживания по «идеальным образам» из прошлого [3, с. 31], с другой стороны, существует проблема финансовой неграмотности этой возрастной группы [2, с. 2], вследствие чего рождается недоверие ко всем финансовым институтам государства и появление различного рода страхов. Рассмотрим их подробнее.

Информационную базу исследования составляют данные серии полуструктурированных интервью [4, с. 68] с пенсионерами Перми и Пермского края (г. Кунгур). Качественный метод исследования дает возможность погрузиться в контексты формирования потребительских практик, страхов, механизмы их функционирования в повседневной жизни информантов. Хронологические рамки исследования – с ноября 2017 по февраль 2019 г. В ходе исследования было опрошено 25 пенсионеров. Данное количество респондентов, по мнению ученых-обществоведов, является достаточным в рамках качественной традиции [16, с. 157]. Основанием для прекращения сбора интервью явилось информационное насыщение, то есть отсутствие приращения значимой информации. Другими словами, в исследовании применяется целенаправленная выборка. Содержательный смысл применения целенаправленной выборки заключается в отборе информационно богатых случаев (главный принцип) для их детального изучения. Анализ именно таких случаев дает возможности для всестороннего понимания исследуемых социальных явлений.

Отбор собеседников осуществлялся методом «снежного кома» (по рекомендации уже опрошенных). При формировании выборки в центре нашего внимания было стремление охватить людей, которые при переходе из второго возраста в третий столкнулись с необходимостью адаптироваться к новым условиям жизни, с требованием выработать для себя эффективные шаблоны поведения, частично трансформируя прежние поведенческие практики. Нам было важно зафиксировать момент преодоления, болезненной адаптации и вместе с этим рационализации тех жизненных ситуаций, в которых оказались эти люди.

Формируя выборку, мы учитывали гендерный аспект: среди наших собеседников примерно равное число мужчин (их 11 человек) и женщин (их 14 человек). Наши информанты – это жители Перми и Пермского края (10 человек – жители г. Перми, 15 человек – г. Кунгура). Возраст информантов от 60 до 80 лет. Среди них семь человек с высшим образованием, 12 человек со средним профессиональным образованием и шесть человек с начальным профессиональным образованием.

В ходе сбора первичной качественной информации мы обнаружили многочисленные повторения в оценках, суждениях, мнениях информантов, что, с точки зрения С. Квале, позволяет нам признать интервью валидными, не нуждающимися в количественном расширении.

Вопросы границ отнесения к третьему возрасту рассматриваются разными авторами [1; 10; 12; 15]. Мы в своем исследовании будем опираться на методiku Росстата¹. К третьему возрасту будем относить людей, которые вышли на пенсию, оставили сферу профессиональной деятельности и изменили образ жизни в силу сложившихся обстоятельств.

Материалы исследования позволили обнаружить и сгруппировать потребительские практики и сопутствующие им страхи в несколько групп. Эта процедура проводится в силу того, что на поведение наших респондентов влияют различные группы факторов. Различные факторы порождают страхи различного характера. Первая группа страхов связана с продуктами питания [14, с. 425], вторая группа страхов охватывает плоды диджитализации современной жизни, а именно нарастающую роль техники и современных технологий в повседневности [13, с. 178]. И наконец третья группа страхов связана с кредитными практиками и банковскими продуктами, именно на ней мы и остановимся в этой статье.

Пенсионеры Перми и Пермского края (г. Кунгур) не являются однородной группой. Они различаются по состоянию здоровья, материальному благосостоянию, социальным связям, уровню активности, адаптации к новым жизненным обстоятельствам и так далее, а значит, имеют разные потребности, интересы, стратегии и тактики повседневной деятельности, включая потребительские практики, связанные с кредитами.

Можно предположить, что часть пенсионеров с недоверием и даже страхом относится к кредитам, у них нет практического опыта использования современных кредитных продуктов в прошлом. Данную фобию подкрепляют истории «кредитного рабства», транслируемые по телевидению и неформальным каналам получения информации, представителями которых выступают прежде всего близкие родственники и друзья. Отсюда, пенсионеры чаще негативно высказываются по поводу возможности использования кредитов, предпочитая им привычные практики «перезанять» и накопить денежные средства на необходимые нужды. Приведем несколько цитат.

Есть пословица... берешь чужие, а отдаешь-то – свои. Поэтому и Вам я советую никогда с кредитом не связываться. Никогда. Надо суметь обойтись. Но не лезть в эту петлю. Как только вы залезли – все, это как удавочка. Она душит. (М., 79 л., в. обр., г. Пермь).

Не надо в кредиты. Кредиты – это банковское рабство. Сейчас у нас банковское рабовладение. Мы все, почти все население работает на банки. А банк – это главный спекулянт. Они ведь ничего не производят. Они только печатают деньги. И тебе дают под проценты. Ни в коем случае. Только откладывать, откладывать, откладывать, откладывать. (М., 66 л., в. обр., г. Пермь).

Практики взаимодействия с банковскими структурами все сильнее укореняются в повседневной действительности и вынуждают пенсионеров встраиваться в новый, сложный для них процесс. Сложность состоит в том, что бывшие советские граждане раньше действовали по другим сценариям поиска недостающих сумм, а именно – обращались за помощью к

¹ Согласно этой методике, взрослое население, которое вышло за границы трудоспособного возраста (с 55 лет для женщин и с 60 лет для мужчин), имеет разделение по полу и возрасту на три группы: 60–74 года (пожилые), 75–89 лет (старые люди), 90 лет и более (долгожители) [Приказ Росстата].

родным, близким, друзьям. Подобные займы регламентировались неформальными правилами (обычаи, социальные и культурные нормы). Теперь, чтобы получить финансовые ресурсы, необходимо действовать иным образом. Непринятие новых реалий запускает механизм воспроизводства опыта прошлой советской жизни и обращения к уже знакомым и укоренившимся займам. Только теперь эти займы раздают микрофинансовые организации и другие финансовые учреждения. Это порождает много ошибок, поэтому та часть информантов, которые имели подобный опыт, отзываются об этом негативно и отказываются от перспективы повторного обращения к подобным практикам в будущем.

Кредит... я вообще кредит терпеть не могу. Вот сейчас с машиной Витя в кредит застал... Не спится. Черт его знает. Щас «ВТБ 24» прилипает, там долги у них и че с ними будет щас? А я как раз там. Как дадут по репе, глаза вылетят. (М., 68 л., ср. обр., г. Кунгур).

Я бы отказалась. А зачем мне это надо? Во-первых, там проценты большие. Вот у меня соседка, она че-то хоть и на пенсии, она вечно что-то в кредит. Но вроде образованный человек, она биолог. И завучем даже в школе работала. Сначала ведь проценты огромные выплачивают, а потом уже сумму. А я в этих махинациях знаю и поэтому не берусь. (Ж., 75 л., ср. обр., г. Пермь).

Кроме официальных банков многие из респондентов лично либо через близкое окружение сталкивались с микрофинансовыми организациями, которые процветают в современном российском обществе. Пенсионеры и молодежь для них – основная целевая группа. Данные организации уже успели обрасти негативными отзывами. У пенсионеров эти истории вызывают страх и опасения. Нельзя оставлять без внимания тот факт, что респонденты хорошо знакомы с быстрыми займами. Чаще они ссылаются на опыт знакомых и близких. Можно предположить, что в силу некомпетентности и простоты люди третьего возраста, кому довелось столкнуться с микрофинансовыми организациями, сознательно скрывают этот факт от широкого круга людей, чтобы избежать порицания, поэтому часто либо искажают временные рамки событий и переносят их в далекое прошлое, либо делают главными героями этих историй других людей.

Если такую попку какую-то делаем, то надо заранее планировать, а то что влезать в кабалу... я уже один раз влез. Ну решили, взяли деньги в банке. И че ты думаешь? Под 180 %!!! Сейчас 17–19 %, где-то так. Но тогда-то этого не было, банк один был. Банк знает, что у народа нету денег, а прижимают крепко! Короче, 2 000 100 она стоила, а выплатили мы около 4 000 000!!!! Вот эта кабала у меня до сей поры вот здесь!!!! Я больше никаких вот таких микрозаймов, провались!!! Но больше я брать не буду.

Сейчас вот молодежь вот все на этих кредитах крутится! Ну это же голова распухнет!!! Одобрели, надо заплатить!!! Еще надо думать, что-то оставить, вот. Ой это надо тут тоже думать, куда влазишь! (М., 65 л., ср. обр., г. Кунгур).

Мы видим, что наша гипотеза находит свое подтверждение. Вот еще несколько цитат.

Да-да-да. Я это слышала, да, слышала. У меня приятельница, она в Нытве живет. Также как-то так не может своими деньгами. Но она один раз только взяла и поняла, что такое. Потому что потом проценты так натикали, что ей пришлось намного больше платить. (Ж., 75 л., ср. обр., г. Пермь).

Нет! Я таким не пользуюсь никогда! У меня была знакомая заведующая, которая взяла такой микрокредит, и она, мне кажется, по жизни будет выплачивать, потому что бездумно взяла. Я уже будучи, когда она у меня работала, она залетела так, что у нее там проценты и идут, и идут, и идут, она выплачивать не могла, и уже и приходили коллекторы и прочее. (Ж., 60 л., в. обр., г. Кунгур).

Давайте проверим, какую роль играет возраст в формировании страхов, связанных с кредитами, и можно ли их рассматривать как культурную константу. Для этого возьмем контрольную группу из представителей второго возраста (от 30 до 55 лет).

С целью изучения практик потребления на предмет страхов у представителей второго возраста был проведен второй этап исследования (с января по июнь 2019 года). Метод исследования – полуформализованное интервью. Среди респондентов 7 мужчин и 13 женщин. Наши информанты – это жители Перми и Пермского края (г. Пермь – 8 человек, г. Кунгур – 12 человек) в возрасте от 32 до 49 лет, 15 человек с высшим образованием, четыре человека со средним профессиональным образованием и один человек с начальным профессиональным образованием.

Исследование показало, что люди второго возраста отличаются от пенсионеров в первую очередь активным образом жизни, множеством социальных ролей, разнообразием

повседневных практик, включая досуговые. Люди второго возраста имеют работу, включены в общественную жизнь, если не напрямую, то через своих детей, друзей, коллег. Они, по собственному признанию, вынуждены разрываться между домом и работой (то, что ученые-обществоведы называют межролевым конфликтом), все успевать (не только зарабатывать деньги, но и тратить). Их повседневная жизнь отличается высоким ритмом, большей маневренностью, мобильностью, самостоятельностью и независимостью принимаемых решений, высокой интенсивностью социальных взаимодействий, можно смело сказать, что у них нет недостатка в общении. Но, несмотря на то, что потребительская активность представителей второго возраста значительно выше, потребительские страхи проявляются с той же интенсивностью, что и у пенсионеров.

Кредиты и ипотеки – большая тема у представителей второго возраста. Однако здесь респонденты трезво оценивают, понимают все риски и ответственность, которая на них ложится вместе с заемными средствами. Многие из информантов говорят о невозможности обзавестись жильем и другими дорогостоящими товарами, не прибегая к помощи финансовых учреждений. Однако делают они это неохотно и только в крайних случаях. Если есть альтернативное решение в виде «перезанять у родственников» или накопить, то банковские услуги игнорируются полностью. Приведем несколько цитат.

Это все же нажива, банки просто грабят народ с этими кредитами. Проценты вообще заоблачные. Люди потом попадают в такую кабалу, что просто из нее не вылезть. Это раньше были ростовщички, я вот так считаю сейчас, никуда ничего не поменялось. (М., 38 л., ср. обр., г. Кунгур).

Кредиты честно – тьфу, тьфу, тьфу – я не пользовался. Зачем? Там такие проценты, да это фишня все, да там проценты конские, поэтому я не ведусь на это. Раньше пришел – в долг дал, расписку взял, это все неофициально, ты мог по башке получить, а сейчас они официально могут по башке дать и квартиру забирать, и машину. (М., 43 г., в. обр., г. Пермь).

Да, если честно, я шел за ипотекой с таким чувством, как будто надо тебе что-нибудь очень грязное, противное, вонючее убрать. Если вот где-то, например, собака накакала, ты противишься, морщишься, надеваешь перчатки, идешь убираешь. За ипотекой я шел примерно с таким же настроением. (М., 39 л., в. обр., г. Пермь).

Исследование показало, что страхи, связанные с кредитами, присутствуют и у респондентов контрольной группы. За страхами представителей второго и третьего поколения стоит недоверие ко всем институтам, призванным организовать общественную жизнь, и, в конечном итоге, недоверие к государству в целом. Однако можно заметить, что представители второго возраста более толерантно и осознанно подходят к вопросам кредитования. Они хорошо владеют инструментами сбора и анализа информации, в большинстве случаев умеют отличать правдивые факты от фонового потока ложной информации.

Рассмотрев одну из форм потребительских страхов людей третьего возраста, можно сделать вывод, что банковские кредиты и иные финансовые услуги воспринимаются пенсионерами не как возможности, а скорее наоборот, как препятствия для нормальной жизни, в которой теперь, по мнению опрошенных, нет «возможности заработать». А деньги нужны, так как нужно решать текущие задачи жизнеобеспечения. Тем более что возможности купить автомобиль, готовую квартиру, мебель, бытовую технику и тому подобное теперь очень малы. Именно товарное изобилие, разнообразие продуктов, предлагаемых современной экономикой, их высокое качество, престижность обладания множеством красивых, удобных и полезных вещей подталкивает наших собеседников к поиску доступных денег. Но прибегнув хоть раз к помощи кредитных организаций, пенсионеры сталкиваются с шокирующим опытом, который связан с высокими переплатами, скрытыми процентами и двусмысленными условиями договоров. Тут же возникает пассивное, отчужденное отношение к кредитам и неготовность адекватно воспринять и интерпретировать экономический эффект от них. Кроме того, свой отпечаток накладывает финансовая неграмотность данной возрастной группы. Альтернативой кредитов у пенсионеров является привычная и укоренившаяся практика «перезанять» у друзей или родственников и накопить.

Природа страхов многослойна. Пенсионеры боятся не только кредитов, но и недостоверности информации, которая предоставляется банками, они не доверяют этим финансовым учреждениям. И, как следствие, отсутствует доверие ко всем финансовым институтам государства. Отсюда в речи респондентов часто используются слова махинация, обман, петля, а банк воспринимается как рабовладелец.

Однако говорить о полной безучастности пенсионеров при взаимодействии с банковскими учреждениями не приходится. Поверхностное освоение банковских продуктов пенсионерами все же произошло. Это проявляется в первую очередь в том, что треть информантов получают пенсию на банковскую карточку, некоторые из респондентов хранят свои сбережения в банках (на книжках), трезво оценивая выгоду таких вложений. Эта группа пенсионеров более гибкая и мобильная. В будущем исследовании нам предстоит выяснить, какими социокультурными особенностями они обладают, что помогает им лучше адаптироваться к новым социальным условиям.

Список литературы

1. Альперович В. Д. Проблемы старения: Демография, психология, социология. М. : Астрель : АСТ, 2004. 352 с.
2. Белехова Г. В., Барсуков В. Н. Финансовая грамотность пенсионеров и предпенсионеров: особенности и проблема доверия (на примере регионов северо-западного федерального округа) // Социальное пространство. 2020. Т. 6. № 4. 16 с.
3. Зборовский Г. Е., Широкова Е. А. Социальная ностальгия: к исследованию феномена // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 31–34.
4. Квале С. Исследовательское интервью. М. : Смысл, 2003. 301 с.
5. Корнаи Я. Дефицит. М. : Наука, 1990. 612 с.
6. Кузина О. Е. Финансовая грамотность россиян (динамика и перспективы) // Деньги и кредит, 2012. С. 68–72.
7. Кузин С. И. Старение населения: социально-экономический аспект // Вестник ун-та. 2018. № 3. С. 137–143.
8. Кузнер Е. Н. Современный образ пожилого человека: социологический аспект / Международный научно-исследовательский журнал. № 11 (65). Ч. 1. Ноябрь, 2017. С. 58–61.
9. Постановление Центрального комитета КПСС, Совета Министров СССР от 8 августа 1960 г. N 851 О мерах по дальнейшему улучшению торговли. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765712511> (дата обращения: 15.05.2021).
10. Миннигалеева Г. А. Социальная политика в отношении людей «третьего возраста» в России и за рубежом // «Психология зрелости и старения» – весна. 2004. № 1 (25). 120 с.
11. Твердюкова Е. Д. Продажа товаров в рассрочку как вид потребительского кредитования в СССР (конец 1950-х – 1980-е гг.). Российская История, январь (1), 2017. С. 168–180.
12. Холостова Е. И. Стратификация возраста и активное старение // «Психология зрелости и старения» – зима. 2003. № 4 (24). С. 17–24.
13. Ширинкина Н. А. Как «сотик» здоровью вредит: пенсионеры Пермского края и новые технологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 3 (46). С. 176–181.
14. Ширинкина Н. А. Анализ социальных страхов современных пенсионеров (на примере практик потребления продуктов питания) // Идеи и идеалы. Т. 12. № 3. Ч. 2. 2020. С. 425–439.
15. Яцемирская Р. С., Беленькая И. Г. Социальная геронтология. М. : Владос, 1999. 202 с.
16. Miller D. C., Salkind N. J. Handbook of research design and social measurement; London. New Delhi: Sage. 2002.

"Now we have bank slavery...": pensioners of the Perm Region about banks, loans and loans

N. A. Shirinkina

lecturer of the Department of Cultural Studies and Philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-7236-3431. E-mail: Zgll.ru@mail.ru

Abstract. The article attempts to analyze the process of formation of consumer fears in the field of banking services among pensioners of Perm and Perm Krai (Kungur). The information base of the study is a series of semi-formalized interviews with pensioners (the first stage of the study) and able-bodied residents of the Perm Region (the control group is the second stage of the study). The analysis of the field material obtained in the course of the study showed that pensioners, feeling the need to solve financial problems that arise in their course of life, face previously unfamiliar banks, financial companies, forms and conditions of lending. The experience of using "socialist loans" is present in the collective memory of pensioners, but only as a mythologized echo of the "beautiful era". With stable employment, regular payment of wages and the absence of serious sanctions for violating the terms of the loan, the Soviet lending practice can be seen as a manifestation of the concern of the party and the government for Soviet workers. Now loans are regulated by commercial banks, their

rules are written in legal language and contain sanctions for violation of the contract. The policy of providing bank loans, microfinance loans and other financial services is perceived by pensioners not as opportunities, but rather on the contrary - as obstacles to normal life. An alternative to loans for pensioners is the usual and ingrained practice of "re-borrowing" from friends or relatives and saving up. The nature of fears is layered. Pensioners are afraid not only of loans, but also of the "foreign" language of the conclusion of the contract, which is demonstrated by bank employees (reproduction of formulas borrowed from the sale-book of a foreign bank). In the Russian outback, due to sociocultural inertia, banks and other financial organizations are perceived as state institutions. There is a contradiction in the statements of the informants – on the one hand, paternalistic sentiments dictating a high level of expectations from the state, on the other hand, resentment at the real practices of the state and distrust of financial institutions.

Keywords: people of the third age, fears, cultural trauma, socialist credit, banking products, everyday practices.

References:

1. Al'perovich V. D. *Problemy stareniya: Demografiya, psihologiya, sociologiya* [Problems of aging: Demography, psychology, sociology]. M. Astrel : ACT. 2004. 352 p.
2. Belekhoва G. V., Barsukov V. N. *Finansovaya gramotnost' pensionerov i predpensionerov: osobennosti i problema doveriya (na primere regionov severo-zapadnogo federal'nogo okruga)* [Financial literacy of pensioners and pre-retirees: features and the problem of trust (on the example of the regions of the North-Western Federal District)] // *Social'noe prostranstvo – Social space*. 2020. Vol. 6. No. 4. 16 p.
3. Zborovskij G. E., Shirokova E. A. *Social'naya nostalg'iya: k issledovaniyu fenomena* [Social nostalgia: to the study of the phenomenon] // *Sociologicheskie issledovaniya – Sociological research*. 2001. No. 8. Pp. 31–34.
4. Kvale S. *Issledovatel'skoe interv'yu* [Research interview]. M. Smysl (Sence). 2003. 301 p.
5. Kornai Ya. *Deficit* [Deficits]. M. Nauka (Science). 1990. 612 p.
6. Kuzina O. E. *Finansovaya gramotnost' rossiyan (dinamika i perspektivy)* [Financial literacy of Russians (dynamics and prospects)] // *Den'gi i kredit – Money and credit*. 2012. Pp. 68–72.
7. Kuzin S. I. *Starenie naseleniya: social'no-ekonomicheskij aspekt* [Population aging: socio-economic aspect] // *Vestnik un-ta – Herald of the university*. 2018. No. 3. Pp. 137–143.
8. Kuziner E. N. *Sovremennyy obraz pozhilogo cheloveka: sociologicheskij aspekt* [The modern image of the older person: a sociological aspect] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal – International research journal*. No. 11 (65), part 1, November 2017. Pp. 58–61.
9. The resolution of the Central Committee of the CPSU, the Council of Ministers of the USSR dated August 8, 1960 851 On measures for further improvement of the trade. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/765712511> (date accessed: 15.05.2021) (in Russ.).
10. Minnigaleeva G. A. *Social'naya politika v otnoshenii lyudej "tret'ego vozrasta" v Rossii i za rubezhom* [Social policy towards people of the "third age" in Russia and abroad] // *"Psihologiya zrelosti i stareniya" – vesna – "Psychology of maturity and aging" – spring*. No. 1 (25). 2004. 120 p.
11. Tverdyukova E. D. *Prodazha tovarov v rassrochku kak vid potrebitel'skogo kreditovaniya v SSSR (konec 1950-h – 1980-e gg.)* [Sale of goods in installments as a form of consumer credit in the Soviet Union (late 1950s–1980s)] // *Rossijskaya Istoriya – Russian History*, Jan (1), 2017. Pp. 168–180.
12. Kholostova E. I. *Stratifikaciya vozrasta i aktivnoe starenie* [Stratification of age and active ageing] // *"Psihologiya zrelosti i stareniya" – zima – "Psychology of adulthood and aging" – winter*. 2003. No. 4 (24). Pp. 17–24.
13. Shirinkina N. A. *Kak "sotik" zdorov'yu vredit: pensionery Permskogo kraja i novye tekhnologii* [How a "cell phone" harms health: pensioners in Perm Krai and new technologies] // *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii – Herald of archaeology, anthropology and ethnography*. No. 3 (46). 2019. Pp. 176–181.
14. Shirinkina N. A. *Analiz social'nyh strahov sovremennyh pensionerov (na primere praktik potrebleniya produktov pitaniya)* [Analysis of the social fears of today's retirees (for example, practices of food consumption)] // *Idei i idealy – Ideas and ideals*. Vol. 12. Is. 3. Part 2. 2020. Pp. 425–439.
15. Yacemirskaya R. S., Belen'kaya I. G. *Social'naya gerontologiya* [Social gerontology]. M. Vldos. 1999. 202 p.
16. Miller D. C., Salkind N. J. *Handbook of research design and social measurement*; London. New Delhi : Sage. 2002.